

18.09.98

ГЕННАДИЙ КРАСНИКОВ

«Время безжалостно...»

Народная мудрость

Поль Брэгг, всемирно известный врач и популяризатор здорового образа жизни, погиб в 95 лет смертью юности, катаясь на серфинге — спортивной доске, горками и спусками для которой служат морские и океанские волны. Сердцу, сосудам и внутренним органам этого человека могли бы позавидовать даже те, кому нет двадцати...

Евгений Евтушенко всю жизнь азартно и артистично использует сменяющие друг друга волны времени, на которых он вот уже четыре десятилетия уверенно держится, удивляя всех в нашей литературе ни на чьи не похожими пируэтными, кульбитными и более рискованными фигурами. И хотя в его возрасте П.Вяземский уже сладостно воспевал прелести домашнего халата, Евтушенко, судя по его творческой неумности, и сегодня в молодой форме. Он не чувствует себя чужим среди новых поколений, у него молодая очаровательная жена, маленькие дети и тысячи грандиозных замыслов. Да это и немудрено — останавливаться не меньший риск: либо пойдешь на дно, либо бросишь на скалы, либо накроет новой волной, которую-то (и в этом все искусство!) нельзя пропустить, ибо она, пусть соленая, пусть кровавая, пусть мутная, — и вознесет вновь, и уронит, но удержит на зыбкой сцене очередной эпохи...

Именно «зыбкость» этой сцены всю жизнь диктовала законы жанра поэту, жанра, который назывался «эстрадой» и который для критиков был любимым аргументом в пользу виновности Евтушенко во всех смертных и бессмертных грехах, а для него самого щекочущей нервы маленькой драмой:

Проклятие мое,
души моей растрата —
Эстрада.
Я молод был, хотел на пьедестал,
хотел аплодисментов и букетов...

Однако сколько ни иронизируй, но именно по законам жанра — «растрата души» на эстраде достаточно скоро окупается теми самыми «аплодисментами и букетами», валютой, хотя и весьма эфемерной и скоропортящейся, но привлекательной. Сегодняшнему юному поколению почти невозможно вообразить, что молодой поэт Евгений Евтушенко, кумир 50-х, 60-х, 70-х, 80-х, был знаменит так же, как Гагарин или Хрущев, или как артисты кино Николай Черкасов или Николай Рыбников. С подобной популярностью позднее могли сравниться лишь Владимир Высоцкий да теперешняя Алла Пугачева. Невозможно вообразить не только потому, что литература сегодня перебивается в стране на правах нелюбимой падчерицы у злой мачехи, но и потому, что атмосфера в государстве создана такая, когда уже и имена Гагарина или того же Черкасова для большинства становятся пустым звуком, ни в памяти, ни в сердце народа не отзываются, да и имя Высоцкого едва теплится в сознании, и то благодаря постоянному и мощному телевизионному гальванированию.

Сейчас, когда уже известно, кто сменил на эстраде кумиров тех лет, можно с уверенностью утверждать, что Евгений Евтушенко был первым в России рок-поэтом, собиравшим на свои выступления многотысячные стадионы. Потом придут В.Цой, К.Кинчев, Б.Гребенщиков, А.Кормильцев с В.Бутусовым — в отличие от детей Кроноса, проглоченных отцом, дети, пожравшие своих отцов-предтеч. Ведь что такое в сущности рок-певец? Это — запевший публичный поэт, поющий оратор, вышедший с музыкальным спичем на митинг. Без слушателя, без акустики рок-поэзия не существует. А еще без актерства (недаром вслед за Евтушенко все рок-кумиры прошли через кино). Плюс немного политики, пошлости, секса, протеста, наркотиков, примитива.

Тяга к игре, актерству у Евгения Евтушенко была всегда:

Как подмостки великих трагедий
Сотрясались перроны Руси...
На замызганных этих подмостках
я играл свою первую роль...

Эстрада же оказалась для него лишь удачно подвернувшейся площадкой для проявления бесчисленных талантов. Искусство перевоплощения — одна из самых сильных сторон его дарования. И что удивительно — он сыграл тысячи ролей в своих собственных стихах. Не случайно бесконечное число стихов и поэм у него построено в форме монологов, тут его голосом самовыражаются столько героев, одно перечисление которых заняло бы несколько театральных программ. Кстати, такое же количество монологов можно обнаружить еще раз в юношеской поэме И.Бродского «Шествие». Одним словом:

Быть собою мне мало —
быть всеми мне дайте...

Как ни комично это звучит, но сказанные поэтом с флюберовским пафосом слова о своей героине Нюшке Буртовой: «Нюшка — это я» — кондовая правда, Евтушенко-актер действительно побывал в ее шкуре. И если Флюбер, описывая сцену отравления мадам Бовари, ощутил во рту вкус мышьяка, то нашего автора явно перекашивало, когда его деревенская Нюшка «для бледности укусила пилу» и при этом:

Все равно оставалась кубышкой,
все равно краснощекой была...

Но долго оставаться «кубышкой-Нюшкой» Евтушенко, в силу ощущаемого им собственного великого предназначения, не мог. Впереди его ожидало еще столько не сыгранных ролей, перевоплощений. Взять хотя бы литературную энциклопедию:

Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь...

или: Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд...

или: Дай, Некрасов, уняв мою резвость,
боль иссеченной музы твоей...

или: О, дай мне, Блок, туманность вещую...

или: Дай, Пастернак, смещение дней,
смещение веток...

или: Есенин, дай на счастье нежность мне
к березкам и лугам, к зверью и людям...

или: Дай, Маяковский, мне
глыбастость,
буйство,
бис...

Поэтов-современников он даже и не спрашивал, он их просто играл, порою с блеском. Так, он «сыграл» Леонида Мартынова, взяв его гениальную интонацию «Вы ночевали на цветочных клумбах?...» и написав свое лучшее стихотворение «Окно выходит в белые деревья». Можно, проводя параллели, с абсолютной точностью доказать, что он «сыграл» в своих стихах-перевоплощениях Евг. Винокурова, С.Кирсанова, В.Сokolova, А.Твардовского, Н.Рубцова, Г.Горбовского, Н.Глазкова, В.Урина, используя либо их интонацию, либо их строфику, либо их рифмы, либо их темы, либо их образный строй. Притом, повторяю, «сыграл» блестяще, порою превосходя оригинал. Но зачем, для чего? —

А высказать других, о них скорбя,
и есть возможность высказать себя...

Ни к кому, пожалуй, не применимы в такой мере, как к Евтушенко, слова Л.Толстого: «Человек текуч». И этот его «протеизм» не могли не заметить профессиональные режиссеры. В конце концов он снялся в главной роли в фильме С.Кулиша о К.Циолковском «Взлет», а затем и сам поставил два художественных фильма — «Детский сад» и «Похороны Сталина», где вновь у него несколько ролей — и сценариста, и режиссера фильмов, и актера.

Правда, есть глубоко символический и даже мистический смысл в том, что он не сыграл две роли, на которые был приглашен и которые в силу разных внешних обстоятельств от него ушли. Это роль Сирано де Бержерака в несостоявшейся картине Э.Рязанова и роль Иисуса Христа в знаменитом ныне фильме П.Пазолини «Евангелие от Матфея». Здесь уже недостаточно было просто «высказать себя», здесь требовались личная трагическая судьба, личный трагический опыт, отказ от эстрады в жизни и творчестве навсегда, то есть следование словам Достоевского, сказанным когда-то юному Мережковскому, пришедшему к нему со стихами: «...страдать надо, молодой человек, а потом стиха писать». Но для страдания нужно хотя бы время, а Евгению Евтушенко уже было катастрофически некогда: его ждали зрители, поклонники, дальние страны, партийные взбучки и замыслы, замыслы, замыслы...

Да и что там Рязанов, какой там Пазолини, когда режиссер куда более изощренный и великий — уже стоял у его дверей с потрясающим сценарием!.. Этот режиссер — по имени Судьба — предоставил ему роль Первого поэта России!.. Конечно, в этом была и своеобразная медвежья услуга, благодаря которой советская эпоха оставила его один на один с читателями в отсутствие стихов М.Цветаевой, Н.Гумилева, Г.Иванова, В.Ходасевича, В.Набокова, О.Мандельштама, М.Волошина, Н.Клюева; в отсутствие эстетических и этических критериев Г.Адамовича, В.Розанова, М.Бахтина, И.Ильина, того же Г.Иванова, Г.Федотова, Н.Бердяева, К.Мочульского; а главное — в отсутствие веры, Бога, Неба... Получалось какое-то двусмысленное первенство. Трагическая роль Сирано или Христа, какой требовал век, явно не удавалась. Что-то такое об этом Евтушенко и сам интуитивно чуял врожденным чувством совестливости, ибо, прокричав однажды во всеуслышанье: «Граждане, послушайте меня!», он как бы испугался своих слов:

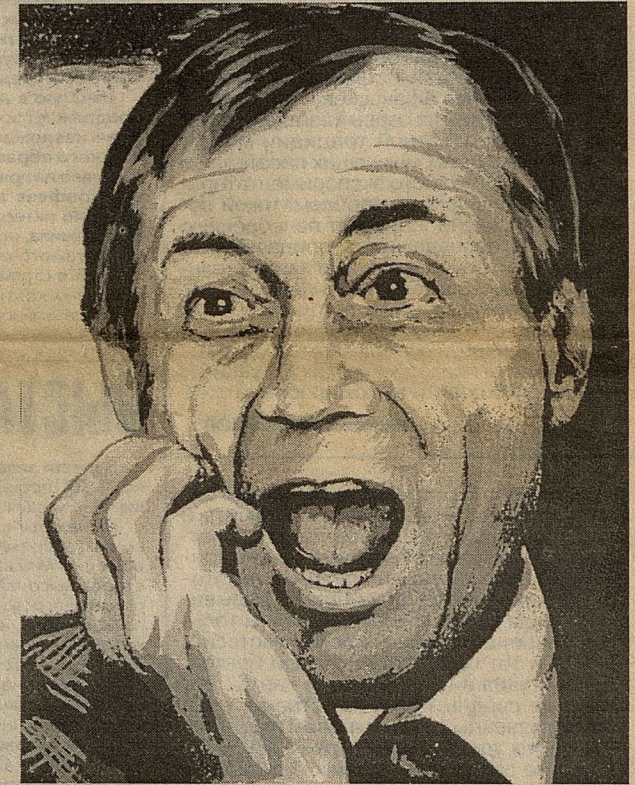
Страшно, если слушать не желают.
Страшно, если слушать начинают.
Вдруг вся песня, в целом-то, мелка...

Потому, наверно, объездив весь мир, Евтушенко так и не стал европейцем. Из того, как он совершенно не умеет себя прятать, как из каждого стихотворения торчат его грехи и раскаяния, как он чувствует страдающую душу ближнего, особенно душу женскую, со всей очевидностью следует, что он русский поэт. Он не изо-

лируется в герметические створки интеллектуализма подобно Аполлинеру, не растворяется в культурных лабиринтах подобно Рильке, не сублимирует себя в фантазматическую метафору подобно Уитмену. Он непростительно обнажен, открыт для удара. В XIX веке ему пришлось бы едва ли не ежедневно драться на дуэли, отстаивая свою честь, так много желающих бросить в него свой камень. При этом творческий фанатизм (переходящий в перпетуум-мобиле!) в нем таков, что он буквально все вокруг превращает в стихи, любую самую прозаическую деталь, самую прозаическую тему (вроде «Старого бухгалтеря» или «Экскаваторщика»). У него, как в советском Центробанке, всегда включен печатный станок. Пусть это грозит девальвацией, но зато стихов хватит всем. Евтушенко словно поставил перед собой фантастическую задачу: всех обеспечить стихами. Весь мир. Иногда кажется, что он эту задачу выполнил.

С помощью его строк, строф, отдельно взятых из разных стихотворений, поэм, можно составить евтушенковский «фоторобот» («стихоробот»?) и гения, и злодея! И рыцаря и афериста, и аристократа и плебей, и Пророка и пошляка, и тончайший лирик и плоский фельетонист, и Мастер и графоман — все есть в этом уникальном безразмерном банке данных. Евгений Евтушенко, пожалуй, единственный в мире поэт, осуществивший все, что задумал. Речь не о результате, речь о целеустремленности. Хотя и о результате, разумеется.

ТЫСЯЧА И ОДНА РОЛЬ

Вытянутыми в одну непрерывную нить его стихами можно многократно обмотать земной шар, согрев на нем таким образом хотя бы несколько продрогших душ. Беспорен его вклад в русскую поэзию XX века, которую невозможно представить без лучших его стихов. Вспомним хотя бы такие замечательные лирические стихотворения, как «Идут белые снеги», «Со мною вот что происходит», «Окно выходит в белые деревья», «Соленый гамак», «Какой-то пустячок, во мне оттаяв...», «Трава зеленеет», «Маша», «Глубина», «Лед» («Я тебя разливаю с трудом»), «А снег повалится...», «Я разлюбил тебя... Банальная развязка», «Как-то стыдно изыщной словесности», «Качался старый дом, в хорал слагая скрипы», «Не надо...», «Одиночество», «Ты начисто притворства лишена», «Меняю славу на бесславье». Каждый его поклонник может к этому далеко не полному списку добавить что-то свое, любимое, ибо лучший «избранным» поэт является то, что его читатели носят в своем сердце...

Евгений Евтушенко написал несколько классических песен, таких как «Бежит река, в тумане тает», «Хотят ли русские войны», «Не спеши», «Вальс о вальсе», «Чертов колесо», «А снег повалится», — авторство которых давно уже счастливо затерялось и перешло в форму фольклора.

Он написал несколько книг прозы, очевидно, не такого уровня, как у поэтов Бунина и Набокова, но и, безусловно, не хуже, чем у поэтов Окуджавы и Высоцкого.

Многие его строки с легкостью крылатых фраз грибоедовской комедии «Горе от ума» разлетались по свету. Кто не помнит его: «Он знал, что вертится Земля, но у него была семья», «Не важно — есть ли у тебя преследователи, а важно — есть ли у тебя последователи», «Очарованья ранние прекрасны, очарованья ранами опасны», «Пришли другие времена. Взойшли иные имена», «Я кошелек. Лежу я на дороге», «На том и держится Россия, что у нее душа болит», «Ты спрашивала ше-

Евтушенко Евгений

95

СУДЬБЫ

потом: «А что потом? А что потом?», «Людей неинтересных в мире нет», «Поэт в России — больше, чем поэт»...

Он снялся в фильме, который на Московском кинофестивале получил престижную премию. Во всяком случае, сам Евгений Евтушенко с неотразимой улыбкой и артистической бабочкой на шее не затерялся в звездной фестивальной компании рядом со всеми Франко Неро, Де Ниро, Янковскими, Еременко, даже одним выражением глаз явно выигрывая перед ними в интеллекте, как молодой доцент — перед студентами-первокурсниками.

Он снял два собственных фильма, которые не потрясли мир, но, во-первых, довели до бессонницы его завистников, а во-вторых, показали, что если бы он с младых ногтей профессионально занимался кинематографом, то, при его энергии и целеустремленности, он стал бы не самым последним режиссером в мировом кино, и, уж точно, снял бы у себя Чаплина в роли Генералиссимуса, и Мэстрияни — в роли Стеньки Разина, и, уж конечно же, Чичолину — в роли Ньюки...

Он провоз по стране и по всему миру выставку своих фоторабот. И только клановый снобизм профессионалов-фотографов помешал им непредвзято оценить вторгшегося на их территорию чужака-поэта. А среди его работ были незабываемые жанровые снимки, портреты, по своей образности напоминающие остановленные кадры итальянских фильмов времен неореализма.

ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Он совершил поистине титанический труд, составив уникальную, не имеющую аналогов антологию русской поэзии двадцатого столетия «Строфы века», самую полную и объективную по именам и самую субъективную по фильтрационной обработке текстового материала. Увы, под прекрасными лозунгами интернационализма и политического плюрализма он с педантичным упорством Игнацио Лойолы и с широким размахом Мальтуса страница за страницей отделял «чистых» от «нечистых». Вместо жизни — вышла жесткая схема. Вместо поэзии — дурная политика. Вместо России — страна погромщиков и громимых. Даже свои лучшие стихи он не включил в антологию, уступив их место публицистике. Нет сомнения, что если бы ему пришлось составлять подобную антологию во времена советской цензуры, при его умении обходить подводные камни, книга получилась бы изящнее, остроумней и, как это ни парадоксально, умнее и справедливее. Поневолле тут вспоминается Пушкин, любивший повторять слова Карамзина: «Если в России уничтожат цензуру, я уеду в Стамбул».

Он записал на пластинку в своем исполнении поэму В. Маяковского «Облако в штанах». Записал, к сожалению, слишком поздно, когда его действительно незаурядное чтение уже было испорчено уверованием в себя как в профессионального актера. Эта «качаловщина» нет-нет да и забывала в нем поэта, хладнокровно паря над смыслом и над Маяковским.

Он написал самую сильную свою прозаическую книгу статей о литературе, искусстве, культуре — «Талант есть чудо неслучайное». Здесь вкус, ум, такт, чутье, интуиция — почти всегда безупречны. Здесь художник почти всегда побеждает в нем оратора, лектора, политика. А широта его интересов от Феллини до Винокурова, от Маркеса до Рубцова — не ассоциируется с всеядностью, но как раз продиктована редкой для него цельностью и собранностью.

К нему с нескрываемой нежностью относился один из столпов первой волны русской эмиграции — Георгий Адамович, эстетическая репутация которого подтверждена его хрестоматийными статьями о В. Ходасевиче, Г. Ивнове, И. Бунине, Д. Мережковском и З. Гиппиус, с которыми его связывала личная дружба.

Судьба всегда сдавала ему лучшие карты. Удача шла на Евтушенко, даря встречи, а порою и дружбу с крупнейшими личностями XX века, такими как Феллини, Чаплин, Кеннеди, Пазолини, Кастро, Пикассо, Шостакович... Но в нем был азарт игрока, и он мог, забыв обо всем, проиграться в пух и прах. Обо всем, кроме себя...

Характерен такой эпизод. Когда впервые перед Евгением Евтушенко серьезно замячила перспектива издания собственного поэтического журнала, о котором он давно мечтал, в мучительных поисках названия для своего будущего детища он, как рассказывал мне В. Соколов, с детским восторгом воспринял чью-то шутивную идею назвать его журнал незатейливо и просто — «Женя». Что тут скажешь? — мило, обаятельно. В его изломанной кокетливости всегда была некая женственность: «Свет мой, зеркальце! Скажи да всю правду доложи: я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?»

Помнится, как поэт-фронтовик Михаил Луконин рассказывал о поре своей дружбы с молодым Евтушенко: «Как-то поздно ночью проезжал я на машине мимо его дома на Сушевской, где он снимал комнату. Вижу — в окне у него свет. Дай, думаю, загляну на огонек к юному дарованию, узнаю, чем это он в такой поздний час развлекается — поди, водку с приятелями хлещет либо девиц охмуряет! Когда застигнутый врасплох Женя, худой, длинный, в одних трусах, открыл мне дверь, я был неожиданно удивлен: в доме тишина, ни души, никаких загулов, никакого разврата... Возле кровати под торшером были разложены раскрытые книги. И тут я обнаружил, что это его собственные сборники, представляете — на ночь он читал самого себя!..»

И даже в недавнем стихотворении на смерть Владимира Соколова, по сути в некрологе, по сути, еще у гроба друга, Евтушенко не забывает бросить кокетливый взгляд на «свет мой, зеркальце», которое хоть на этот миг могло бы побыть занавешенным в черное, а не нет:

*Кто после нас был? Один Иосиф.
А остальные? Бродскололосе —
милые люди или шпана...*

Какой-нибудь живой «хэви металл» Юрий Кузнецов или раб Божий Николай Рубцов из своего бронзового тотемского многопудья резонно могут потребовать сатисфакции: «Что значит «после нас»? А был ли сам-то мальчик вообще?» Но в действительности это старый спор, не затихающий со времен Станиславского, — о любви искусства в себе и себя в искусстве...

Кстати, лаконичнее и глубже всех суть творчества Евтушенко выразил его старший товарищ Евгений Винокуров, назвав его поэтом, который пытается «все решать в стихе, как в последней инстанции». Не исключено, что и по этой еще причине за ним шли толпы поклонников — от грузчиков и таксистов до академиков, не находивших решения своих житейских и жизненных проблем в конторах ЖЭКа или в комитетах партийного контроля; они ловили каждое его слово, каждый жест, аплодировали каждой его шалости. Для чего? Это уже другой вопрос. Из другой эпохи и психологии. Но, быть может, как раз в силу этого теперь, когда Время отодвинуло временное и все мы, словно из эмиграции, словно из странной высылки, возвращаемся из провалов ирреальности на родную землю, к своей истории, к своему языку, к родным могилам и церковным стенам, именно поэзия Евтушенко наиболее художественно передает наши воспоминания и ностальгию о том всеобщем нашем небытии. И совершенно напрасно тот самый, упомянутый при гробе Соколова Иосиф Бродский столь категорично назвал своего воспевателя «лжецом по содержанию», справедливее было бы говорить о том, что Евгений Евтушенко абсолютно адекватен своей эпохе, своему поколению, он всего-навсего гениальный выразитель лживого содержания, той бездны, того духовного затмения, о котором так горько написал когда-то Г. Адамович:

*Социализм — последняя мечта
Оставленного Богом человека...*

И сколько бы нас ни убеждали в некоей чуть ли не мессинской роли для России так называемых «шестидесятников», и сколь бы успешно они сами ни распространяли этот миф, они отличаются от других «советских» поколений лишь тем, что их «серфинг» помимо их воли подбросило вверх бурной волной XX съезда партии, вновь опустив все в то же большевистско-материалистическое болото. У них никогда не было своей «идеологии», им ее заменяли «благие порывы», в которых, увы, романтизировались то «комиссары в пыльных шлемах» (Б. Окуджава), то рентгеноаппарат в виде Ленина у А. Вознесенского, то какие-то трубаچی у Евг. Евтушенко («возьмите меня в трубаچی»), либо какая-то нечеловеческая полигамия:

*У меня на свете две любимых —
Это революция и ты, —*

либо какое-то коммунистическо-языческое движение в сторону социалистического рая:

*Мы доплывем до счастья —
пусть все поги в кровь собьем!..*

В этом весь абсурд «Чевенгуров» и «Котлованов» — в его декретированном варианте. Увы, не обрались «шестидесятники» с молитвой «Дай мне, Андрей Платонов!..», «Дай мне, Михаил Афанасьевич Булгаков!..». Ци-

ничный пафос «Конармии» Бабеля им генетически ближе трагической «Белой гвардии» Булгакова. В них, в конце концов, не было мистической тайны, они оказались нечувствительны к метафизике, оставаясь вечными реалистами с позитивистской изнанкой. Отсюда — физиологическое чувство силы и власти. Недаром прежде, при всей своей внешней оппозиционности, они так любили петь свои «крамольные» песни и читать стихи на дачах у высоких коммунистических сановников либо у их чад, а ныне они откровенно обслуживают власть и не прочь пойти в «содержантки» к «красным пиджакам», называющим себя «спонсорами»...

Не потому ли, когда Евтушенко пишет: «Я знаю, вы мне скажете, где цельность?», он, пожалуй, и сам не предполагает, «где» же, и «в чем» она. А она, как мне кажется, в душевном здоровье, которое, правда, при определенных условиях можно назвать и душевным изъяном. Для него не существует трагического гамлетовского вопроса (еще одна не сыгранная роль!). Категоричный императив «быть!» для него важнее терзания и «сумлений» насчет «или не быть?». Здесь, конечно, сказывается и сибирский характер, вскормленный на «хлебсе с черемшой», и исторический оптимизм, и, если хотите, материалистическое мировоззрение. Потому у него до последнего времени не было стихов о смерти, и даже теперь он всерьез не готов к этой теме: «...чуть-чуть умрем, чуть-чуть воскреснем». Как нет и Бога в его стихах. Оттого-то, вероятно, из тех, кому поэт молился так зрелищно, Пушкин все-таки оказался «высоко-высоко», Некрасов — «глубоко-глубоко»...

Но нет никаких сомнений, что кое-какие «молитвы» поэта дошли до адресатов, и если история литературы будет судить его за «прельщение» «ложным содержанием», то лишь вместе с поэмой Есенина «Русь Советская», «Ленин», вместе с поэмами Маяковского «Хорошо!» и «Владимир Ильич Ленин», а также вместе с «Серединной века» Луговского, «За далью — даль» Твардовского, «Строгой любовью» Смелякова, «Каховой» и «Гренадой» Светлова... Не самая худшая компания.

Платон в своем «Государстве» хотел выселить всех поэтов, чтобы философы управляли страной. Большевики, по остроумному замечанию В. Солоухина, отделили церковь от государства и присоединили литературу. В этом государстве «присоединенный» Евгений Евтушенко хотел быть «властителем дум», и он им стал. Властителем тех «дум», которые были в обществе. Подобно Моисею он в буквальном смысле 40 лет водил своих читателей по пустыне. А когда они выбрались оттуда, сам «вожатый» поразился открывшейся картине:

*Новая Россия сжала с хрустом
и людей, и дельги в пятерне.
В первый раз в ней нет поэтам русским
места ни на воле, ни в тюрьме.*

Остается спросить, уж не об этих ли временах сам Евтушенко написал в свое время пророческие строки:

*Телевизор понесут
под колокола,
на всемирный страшный суд
за его дела,*

— забывая, правда, при этом, что в том говорящем «ящичке» он сам со своим поколением занимал не последнее место. И что сегодняшняя эпоха вылупилась не только из пасхального яйца Вознесенского, но и из этой смердящей телевизионной скорлупы...

Но жизнь — одна, как и собственная роль — одна. Ее, увы, не повторишь, не скорректируешь. Остается то, что было. Без скидок на эпохи и обстоятельства, на неудачную режиссуру. И потому каждый раз встреча поэта с читателем есть очная ставка и со своей совестью, и со своей молодостью, и со своим будущим. Каждой новой книгой поэт показывает — исчерпал ли он себя до дна или нет. Что тем более актуально, когда книга эта не первая, а зашкаливающая за сотню. Что может человек добавить к сказанным тысячам строк? Что можно добавить к Десяти заповедям или к Нагорной проповеди? Себя. Только себя. Только то, как ты всю жизнь понимал и исполнял эти заповеди...

В последних своих стихах Евгений Евтушенко, не изменяя собственному «я», с потрясающей интуицией вновь улавливает волну времени, быть может, самую трагическую в российской истории XX века. Трагический надлом стал прорываться и в голосе поэта. Первые гамлетовские «...или не быть?», дамокловым мечом повисшее над целой страной, над великой культурой, над судьбой какого-нибудь забитого Башмачкина в изношенной шинели и над блестящей судьбой недавнего литературного кумира... — впервые напомнило поэту и о возрасте, и о серьезности намерений смерти, выкопавшей за год-другой столько друзей, и о ненадежности славы и прошлых заслуг, и об одиночестве, которого всегда так не хватало, но которое, единственное, дает тот божественный внутренний слух и тишину, без которых не бывает великих книг. Впервые в жизни поэта наступает тот трагический, но благодатный период, о котором в свое время и по другому случаю так пронзительно написал Г. Адамович, до конца своих дней не утративший веры в поэтическую судьбу Евгения Евтушенко: «Когда человек понимает, что он в мире совсем один, что ему только на себя остается рассчитывать... а иллюзии общих дел окончательно рассеялись... что ему не за что и не за кого спрятаться, когда человек понимает и чувствует это, нисколько не ужасаясь — и если при этом он художник, — его творческая биография определена».

Геннадий Николаевич Красников родился в 1951 году в Новотроицке Оренбургской области. Окончил в 1974 году журфак МГУ. Автор поэтических сборников «Птички светофоры», «Пока вы любите...», «Крик» и «Не убий!..». Живет в Москве.